

ЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ АБДУСАЛАМА ГУСЕЙНОВА

Отрывок из беседы с А.А. Гусейновым, записанной старшим научным сотрудником сектора этики Института философии РАН О.П. Зубец в рамках совместной исследовательской программы Института философии и Фонда «Устная история».

– Салам Керимович, мы знаем, что Золотое правило нравственности занимает особое место в Вашем творчестве. Вы даже как-то сказали, что привезли его из Германии. Что Вы имели в виду? Насколько мне известно, именно его Вы обсуждали в ходе Вашей последней встречи с О.Г. Дробницким.

– Последний раз я видел Олега Григорьевича на кафедре этики МГУ. Я хорошо это помню, поскольку это оказалась последняя встреча. Он сказал: «Салам Керимович, я слышал, и Вы совершили грехопадение». Я спросил: «Что Вы имеете в виду?» – а он говорит: «Я имею в виду, что Вы тоже подготовили книгу о том, что такое мораль». Речь шла о книге «Социальная природа нравственности», которую я в это время подготовил и, возможно, уже сдал в издательство, я этого точно не помню. Он же как раз готовил книгу «Понятие морали», которая вышла уже после его трагической гибели в 1974 г. В этой книге, в библиографии, он сослался и на статью «Золотое правило нравственности». Статью эту я привез из Германии. Я был на стажировке в ГДР, она длилась с ноября 1970 по июнь 1971 г. Приехав в ГДР, я оценил ситуацию и стал изучать научную литературу. Там хорошие библиотеки, и вся западная литература была открыта и доступна. Во всяком случае, добраться до нее было проще, чем в Москве, и тогда я принял решение, что специально разработаю программу по освоению немецкого языка, ибо простого пребывания в стране недостаточно, чтобы усвоить язык, для этого надо предпринимать целенаправленные действия. Я записался на дополнительные курсы, поменялся с одним из студентов общежитием, пошел в немецкую среду и одновременно решил поближе и получше познакомиться с немецкоязычной литературой. В процессе работы я наткнулся на Золотое правило нравственности, стал этим заниматься, и так получилось, что в период пребывания в Германии я на нем и застрял. По приезде я подготовил статью под названием «Золотое правило нравственности» и сдал ее в «Вестник Московского университета», раздел «Философия». Заведующим кафедры тогда был Анисимов Сергей Федорович. Однажды он приходит и говорит, что на заседании редколлегии «Вестника» сказали, что автор статьи пропагандирует евангельские истины, – члены редколлегии выступили против этой статьи. Я спросил Сергея Федоровича, что он об этом думает, а он ответил, что под-

держивает меня и считает, что это очень хорошая статья. Раз так, сказал я, давайте доказывать, что это не евангельские истины, что Золотое правило содержалось в культуре до появления Евангелия и что оно имело совершенно другие источники, не связанные с возникновением религии. С этим он согласился. Конечно, ситуация была неловкая: я — доцент факультета, вполне нормальный, лояльный, к которому по работе никаких претензий не было, а «Вестник МГУ» — это издание философского факультета. Доцент подает подготовленную им статью, а журнал ее не берет, — это совершенно неловкая ситуация. Они предложили мне дать другую статью, но я подумал: «Зачем другую, если эта — моя?» Было много всяких разговоров. В конце концов они предложили: «А что, если мы поставим Золотое правило в кавычки?» Я говорю: «А что, поставьте в кавычки». Почему бы и нет? И что это будет означать: что это правило не золотое и что это фигуральное выражение? А может быть это будет обозначать само название статьи? Ведь никто и не сомневается, что это фигуральное выражение. Как бы то ни было, без каких-то существенных изменений в тексте статьи, но именно благодаря тому, что название «Золотое правило» было поставлено в кавычки, статья вышла. Это был второй случай, когда кавычки меня спасли. А первый — с моей статьей по кандидатской диссертации «О происхождении нравственности». Эту статью я подготовил и сдал в «Философские науки». Называлась она «О происхождении нравственности. На материале развития института кровной мести». Господствовало мнение, что люди вступают в общество, охваченные зоологическим индивидуализмом. Само становление общества выступает одновременно как способ преодоления и обуздания зоологического индивидуализма, и нравственность является одним из механизмов, благодаря которому обуздывается зоологический индивидуализм. Это мнение в литературе было широко распространено. Оно было равносильно представлению о том, что нравственность есть отличительный принцип человеческого общества, и поскольку общество формируется в процессе трудовой деятельности, складывается кооперация, дисциплина — и соответственно формируется нравственность. Такова была общая схема. Моя идея была другой: нравственность формируется уже в процессе развития общества по мере того, как внутри первобытной общины начинается процесс вычленения отдельных индивидов в качестве самостоятельных единиц и формируется отношение «личность — общество». В рамках этого и начинает складываться нравственность. Эта идея вызвала нарекания, говорили, что она противоречит трудовой теории справедливости, причем уже после того как эта статья вышла. А до выхода статьи случилась такая коллизия. Я исходил в статье из того, что есть первобытное стадо,

орда, а затем наступает следующая стадия развития первобытного общества — складывание родового строя. Схема была не моя, она была принята в то время в науке, исследовавшей становление человека в обществе. Отталкиваясь от этого, я считал, что именно на второй стадии, когда формируется кровно-родственная структура общества, идет переход от первобытной стадии к собственно родовой, начинается обособление людей внутри племени в качестве отдельных родов, и тут уже возникает отношение «род — племя», а затем начинается естественное разделение труда между мужчинами и женщинами. И здесь происходит второе разделение, формируется особый статус члена рода, особый статус естественного разделения труда, и уже возникает какое-то отношение отдельных индивидов к целому: отдельных индивидов не как частных единиц, а как тех, кто представляет какую-то группу. А первобытное стадо — это совсем другая ситуация, внутри него в принципе нет никаких различий. Первобытное стадо отличается тем, что оно действует, как если бы это был отдельный индивид, немислимо, чтобы внутри него могли складываться какие-то коллизии, ибо в этом случае оно бы не выжило. Здесь недостаток физической силы отдельных особей компенсировался изначальной коллективной спаянностью всего стада. Когда речь шла о первобытном стаде, употреблялось слово «равенство», и при этом подчеркивалось, что там оно было полным. Эта статья шла очень тяжело, было много переделок, не меньше пяти-семи, но на стадии верстки ее прочитал главный редактор Иовчук и взбесился: как это так? Он не вникал в тонкости, связанные с такими понятиями, как «стадо» и «родовое общество», зато сразу обратил внимание на «равенство»: «Он говорит о первобытном стаде, употребляя понятие равенства, а равенство — это ключевая вещь для коммунизма. Это дискредитация коммунистических идей, это невозможно, это надо выкинуть». В «Философских науках» редакторский коллектив ко мне относился хорошо, вот они и решили обратиться к главному редактору Иовчуку: «Понимаете, у нас с типографией сложные отношения, и если мы сейчас, на стадии верстки, снимем эту статью, мы должны будем платить неустойку, а этого допустить нельзя». Тогда он подумал и сказал: «Пусть поставит кавычки». Я ответил: «Очень хорошо», — и слово «равенство» поставили в кавычки. Так что кавычки спасли меня дважды.

— **Вы вспомнили слова Дробницкого о том, что Вы совершили грехопадение — в чем его суть? В том, что этик-философ начинает задаваться вопросом, что есть мораль? Как вы понимаете эту шутку?**

— Я, конечно, согласен с Дробницким в том, что это вопрос, который стоит того, чтобы над ним задуматься. Философы всегда так или иначе приходят к этому вопросу или начинают с этого вопро-

са, но в любом случае он для них фигурирует в качестве основного, центрального. Само то, что такой вопрос возникает, доказывает, что подход к морали является философским, подобно тому, как философия все время озабочена размышлением о том, что она такое, и самими размышлениями задает этот предмет, ставит его под сомнение, расширяет его. Точно так же философский характер этики можно идентифицировать по тому, насколько этика задается этим вопросом, насколько она озабочена осмыслением собственной природы, специфики морали, ее совершенно особого места в человеческом существовании, потому что вне философского подхода, скажем, в рамках социологического подхода, такой вопрос не стоит. Есть какие-то нормы, которые считаются моральными. Есть способ отношения человека к этим нормам, их можно сопоставлять с тем, что называется юридическими нормами, и со способом отношения к юридическим нормам, с обычаем. Все это просто и ясно разъяснено: там внешняя санкция, тут внутренняя санкция, там есть законодатель, тут явного законодателя нет — все это неплохо исследовано в нашей литературе 1970-х гг., но это нисколько не продвигает нас в понимании того, что такое мораль или нравственность. Поэтому озабоченность этим вопросом — важный индикатор, одна сторона, но это одновременно и грехопадение, понимаете? Почему же это — грехопадение? Да потому что как только философ задается вопросом, что такое мораль, он неизбежно должен спросить, откуда она, он хочет поместить ее в причинный ряд, он рассматривает эту проблему как эпистемологическую, и тем самым вступает в противоречие с некоей изначальной моральной интенцией. Тем самым он ставит под сомнение идею автономности морали, ее абсолютности, саму мысль о том, что человек как разумное, человеческое существо и есть моральное существо: в этом и состоит грехопадение. Тут уже ничего не поделаешь, все мышление — одно сплошное грехопадение, поскольку оно всегда само себя отменяет.

— **И, наверное, та же ситуация складывается с философией? Она бесконечно обращается к тому, что она есть, а с другой стороны, всегда предполагается, что она не может таким образом задавать свои границы. У Хайдеггера есть высказывание, что, если бы философия полностью сделалась для себя ясной, промысленной и рационально заданной, это было бы смертельно для самой философии.**

— Да, это верно: если бы она оказалась до конца промысленной, сама себе понятной, это бы означало, что она не есть философия, что философия — не то, что создает философ, не тот образ или модель мира, который он создает, как, скажем, Спиноза все выводил из субстанции или Платон из мира идей. Тогда бы это означало, что философия — это некое реальное положение вещей, которое кому-то удалось схватить в своих познавательных усилиях. Конеч-

но, я согласен, что здесь есть полная аналогия между философией и этикой, и не удивительно, что она полная, потому что этика — это и есть практическая философия.

— У Вас были некоторые работы, статьи, посвященные напрямую этой теме, была статья о назначении философии, и сейчас на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах Вы будете делать доклад, который называется «Философия как этический проект». Как я понимаю, это связанные друг с другом работы, и речь в них идет о понимании не только морали, этики, но и философии.

— Совершенно верно, мы можем правильно понять этику как теорию, как учение о морали только в контексте философии в целом: если мы поймем, что это одна из неотъемлемых частей философии. Этика может быть понята в качестве философской дисциплины. Но выявляя место этики в рамках философии, мы одновременно выясняем, что, оказывается, сама философия может быть правильно понята, если ее рассматривать именно в моральной перспективе. Поэтому не только философия оказывается ключом к пониманию этики, но и этика оказывается ключом к пониманию философии. Сама философия возникает в рамках моральных усилий человека к некоей совершенной жизни, не в том виде, в каком она дана и складывается, а в том виде, в каком человек хотел бы видеть эту жизнь, в том виде, какой бы он хотел этой жизни придать. В рамках этих усилий возникает философия. Исторически она так возникает, и в опыте отдельных философов она так существует. А вне этого морального пафоса, который лежит в основе философствования, мы не можем понять философию в целом, не можем понять, почему она обязательно должна прийти к этике и завершиться этикой. Этика, собственно говоря, является лишь подведением итогов того, что философия изначально выступает как образ жизни.

— Наше интервью проводится в рамках проекта, который называется «Философия в публичном пространстве». Насколько я слышала, многие участники таких интервью высказывают скепсис и непонимание самой темы — философия в публичном пространстве, хотя бы потому, что у них вызывает сомнение соединение этих двух понятий — «философия» и «публичное пространство». Может быть, вызывает сомнение само понятие «публичное пространство». Я говорю об этом, потому что знаю: Вы писали о понятии политики у Аристотеля, но это была своего рода форма критики современного понимания политики и самого политического пространства, в котором мы существуем. И мой вопрос такой: как Вы понимаете эту тему — философия в публичном пространстве, о чем здесь идет речь?

— Я могу понять, почему у некоторых коллег эта тема вызывает сомнение: это отчасти связано с тем, что сам термин «публичность» отягощен смыслами, не делающими чести, — это чисто внешняя,

эстетическая сторона дела. Есть и более содержательная и существенная сторона, а именно: здесь есть страх, что при такой формулировке темы философия опять может быть интерпретирована как средство, которое обслуживает идеологические и политические цели, обслуживает власть. И первый смысл, когда люди боятся, как бы философия не была разменяна на повседневную вульгарщину, — конечно, тут есть опасность, и надо себя предостерегать от этого; и второй смысл: как бы философия не была сведена до уровня интеллектуального обслуживания каких-то интересов — это тоже опасность, она реально была в истории нашей страны, и от этого тоже надо себя оберегать. Но я бы пошел дальше: есть еще такое понимание этой темы, которое на первый взгляд кажется не таким уж страшным, а именно: философия в публичном пространстве интерпретируется как приложение философии, как практические выходы философии: то ли в форме популярных изложений, то ли в виде каких-то прикладных аспектов философии типа прикладной этики. Или, скажем, сейчас есть кафедры практической философии — там, где речь идет о приложении каких-то логических выводов, теории аргументации: есть философская теория, а есть ее приложение. Приложение философии, скажем, в политике — учение о государстве, приложение в этике — учение о моральном поведении. Такое понимание темы кажется более адекватным, но, с моей точки зрения, и оно не верно. Я лично эту тему понимаю совершенно иначе, а именно: каково место философии как философии в публичном пространстве, каково ее место именно в качестве философии, в качестве самой что ни на есть высшей и изысканной философской теории о человеческом существовании. Это действительно один из ключевых вопросов в понимании самого человека, а именно: вопрос о том, что собой представляет мышление, разум в его высших проявлениях. Что это такое? Это важное адаптивное средство, которое призвано к тому, чтобы мы лучше, уютней, комфортней устроились в этом мире, которое должно обслуживать наше стремление к удовольствиям, наши интересы, наши потребности, нашу практическую деятельность? Или все-таки разум, мышление — это нечто существенное для самого человека и не менее существенное, чем его аффективный строй, не менее существенное, чем его стремление к пользе, не менее существенное, чем его социальные потребности, — вот о чем идет речь. Когда человек выступает адекватно как человек? Не тогда, когда он функционирует как эмоциональное, чувствующее существо, не тогда, когда человек функционирует как социальное деятельное существо, а тогда, когда он выступает в качестве мыслящего существа — вот как мысль связана с человеческим существом. В мысли человек продолжает жить человеческой жизнью, и это

жизнь мысли, через мысль, благодаря мысли. Как она соотносена с другими уровнями человеческого существа? Вот о чем идет речь. И в этом смысле философия занимает свое достойное место в публичном пространстве только тогда, когда она занимается своим делом, когда она рассматривает проблемы, которые в течение уже трех тысяч лет вычленились в качестве философских и которые составили основу философских размышлений; когда философы остаются в рамках этих проблем и придают им смысл, наиболее адекватный тому уровню развития общества, науки, тому уровню человеческого развития, той человеческой ситуации, в которой мы сегодня находимся. Короче говоря, если философия связана с человеческой способностью мыслить, она не может не представлять интерес для любого человека, поскольку человек и есть мыслящее существо. Понятно, почему поэзия нравится людям, понятно, почему им нравится музыка. И понятно, почему философия нравится не всегда, понятно, почему ее не любят, — это отдельный вопрос, который надо исследовать: почему философию не любят и где те основные точки, из-за которых ее не любят. Они тоже известны, над ними философы тоже задумывались. Я думаю, негативное отношение к философии, которое существует в обществе и которое возникло не сегодня, сопровождает философию с момента ее возникновения, в разные эпохи оно имело, может быть, разный вид, разную степень интенсивности, но философы всегда оставались чужаками. В значительной степени такое отношение, возможно, связано с тем, что философы часто занимаются не своим делом.

— Но ведь нельзя сказать, что, например, Сократ занимался не своим делом — может быть, все-таки своим?

— Нет, Сократ занимался своим делом, но я тогда скажу так: когда философы занимаются своим делом, как это делал Сократ, тогда их ненавидят, понимаете? Когда философы занимаются не своим делом, их третируют, презирают, спрашивают: зачем вы нужны? При этом сразу задается некая планка нужности и ненужности, ведь тот, кто задает этот вопрос, для него уже ясно, что нужно, а что не нужно. Уже сам этот вопрос, если его подвергнуть исследованию, философскому анализу, сам себя дискредитирует. Я лично думаю, что философия имеет свое место в публичном пространстве, и это именно место философа. Философ не должен маскироваться ни под политолога, ни под журналиста, ни под менеджера, и адекватность присутствия философии в публичном пространстве вовсе не измеряется тем, в какой мере философы обсуждают «жареные» вопросы.